

УДК 81'271.16

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ (НЕ)ВЕЖЛИВОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ

В.В. Леонтьев

В статье анализируются три этапа исследований в области лингвистической (не)вежливости, распространенные в зарубежной социопрагматике: классические теории вежливости Р. Лакоффа, П. Браун и С. Левинсона, Дж. Лича, дискурсивный подход в исследовании (не)вежливости, связанный с поворотом исследований в сторону обязательного учета широкого коммуникативного контекста и характеризуемый дифференциацией идеологий вежливости Politeness₁ и Politeness₂, и наблюдаемый в последние несколько лет поворот в сторону социологического (интеракционного) подхода в исследовании лингвистической (не)вежливости, характеризуемый стремлением исследователей объединить достижения классических теорий вежливости и дискурсивного подхода в исследовании (не)вежливости как одного из краеугольных феноменов в межличностных отношениях коммуникантов.

Ключевые слова и фразы: классические теории вежливости; дискурсивный поворот в теории лингвистической (не)вежливости; социологический (интеракционный) подход в исследовании лингвистической (не)вежливости; идеология Politeness₁; идеология Politeness₂.

LINGUISTIC (IM)POLITENESS: TO THE PROBLEM OF CATEGORY CONTENT

V.V. Leont'ev

The author carries out the analysis of three stages in research in the field of linguistic (im)politeness popular in foreign socio-pragmatics: classical theories of politeness by R. Lakoff, P. Brown and St. Levinson, the discursive approach in research of (im)politeness connected with the turn of research to the obligatory taking of the wide communicative context into account and which is characterized by the differentiating politeness ideologies Politeness₁ and Politeness₂, and observed during some last years the turn to the sociological (interactional) approach in researching linguistic (im)politeness which is characterized by the aspiration of researchers to unite the achievements of classical theories of politeness and discursive approach in the research of (im)politeness as one of the cornerstone phenomena in interpersonal relations of communicants.

Key words and phrases: linguistic (im)politeness; classical theories of politeness; discursive turn in the theory of linguistic (im)politeness; sociological (interactional) approach in the research of linguistic (im)politeness; ideology Politeness₁; ideology Politeness₂.

1. О коммуникативно-прагматической категории (не)вежливости.

Исследование категории вежливости по праву считается наиболее динамично развивающимся направлением в социо-прагматической лингвистике. Едва ли еще можно найти другую область межличностных отношений, привлекающую такое пристальное

внимание ученых. Как отмечает Ричард Уоттс, к началу XXI века было опубликовано около 1200 (!) работ, связанных с данной темой [Watts 2003: xi].

Исследования вежливости отличаются междисциплинарным характером, т.к. они ведутся на пересечении лингвопрагматики и социолингвистики, речеведения и методики преподавания иностранных языков, психологии, социологии и социальной антропологии, культурологии и гендерных исследований [Christie 2005: 2]. «Научным полигоном» для междисциплинарных и международных исследований в области вежливости с 2005 года служит специализированный журнал “Journal of Politeness”: за эти годы в нем было опубликовано около 130 статей, посвященных самым различным аспектам исследования коммуникативно-прагматических категорий вежливости и невежливости (грубости).

Цель изучения вежливости на теоретическом уровне заключается в понимании того, как люди успешно управляют межличностными отношениями для достижения личных и групповых интересов [Watts, Ide, Ehlich 2005: 1]. В контексте эколлингвистики лингвистические параметры данной категории являются принципиальными для установления границ области деструктивного общения.

Вежливость как сложное социально-культурное явление, связанное с основными принципами социокультурной организации общества [Ларина 2003: 30], оценивается в речи только адресатом, поэтому фактор адресата играет краеугольную роль в исследовании вежливости. Вежливость не может быть перформативной и нельзя утверждать, что конкретные лексемы или синтаксические формулы данного языка могут служить только средством выражения вежливости. Как показали многочисленные исследования, одни и те же лексемы и синтаксические конструкции могут служить средством выражения как вежливости, так и невежливости.

Коммуниканты стремятся вести себя вежливо, учтиво по отношению друг к другу, руководствуясь общепризнанными культурно-специфичными нормами. В то же время в каждом конкретном случае вербальное и невербальное поведение адресанта может быть оценено адресатом как вежливое, уместное, учитывающее его личность и, одновременно, оно может быть оценено как неуместное, невежливое (грубое) другим коммуникантом в зависимости от их степени воспитанности, уровня их внутренней культуры и их ожиданий от данного коммуникативного действия. Поэтому представляется оправданным употребление зонтичного термина «лингвистическая (не)вежливость», широко применяемого в зарубежной лингвистике, для обозначения всех видов оценочных значений относительно

коммуникативного поведения адресанта: от оценки данного поведения адресатом как сердечного, одобрительного, тактичного, вежливого, уважительного, почтительного до его оценки адресатом как высокомерного, пренебрежительного, агрессивного, грубого [Spencer-Oatey 2005: 97].

Кроме термина «лингвистическая (не)вежливость» мы предлагаем использовать также термин «лингвистическая вежливость» для описания классических трудов первой волны в исследовании данного социо-прагматического феномена, т.к. их авторы [Lakoff 1973; Brown, Levinson 1987; Leech 1983] практически не анализировали невежливое и некооперативное вербальное и невербальное поведение. В этой связи отметим интересное, но весьма спорное утверждение Дж. Лича о том, что в обычных обстоятельствах конфликтные иллокутивные акты довольно маргинальны для речевой деятельности, т.к. дети в процессе социализации учатся замещать их другими типами высказываний [Leech 1983: 105].

Коммуникативно-прагматическая категория (не)вежливости привлекает внимание и отечественных лингвистов. Интерес к данной теме в России особенно вырос после опубликования монографии Т.В. Лариной [Ларина 2003]. Отечественные лингвисты проводят исследования вежливости и невежливости с жестким учетом национально-культурных ценностей в основном на материале русской и англоязычных культур [Жельвис 2011, 2012; Ларина, Козырева, Горностаева 2012; Ларина, Харлова 2015; Леонтьев 2012, 2013а, 2013б, 2014; Руднева 2014; Харлова 2014]. Национальная специфичность категорий вежливости, невежливости и грубости проявляется в том, что поведение, воспринимаемое в одной культуре как вежливое, в другой может быть воспринято как грубое, и наоборот [Жельвис 2011: 258, 2012: 100; Ларина, Козырева, Горностаева 2012: 126; Ларина, Харлова 2015: 35; Леонтьев 2014: 257].

Помимо того, что (не)вежливость национально-специфична, ее следует рассматривать на фоне норм, принятых и признаваемых в конкретном обществе, сообществе по интересам (community of interests) или «деятельном сообществе» (community of practice), с обязательным учетом широкого коммуникативного контекста. Поэтому самая вежливая фраза в определенных условиях может быть расценена как самая издевательская или саркастичная, а самый вульгарный мат можно использовать как комплимент [Жельвис 2011: 260].

В нашем понимании лингвистическая (не)вежливость реализуется в вербальном и невербальном выражении личного отношения адресанта к адресату, в принятии во внимание

адресантом или, наоборот, игнорировании им социального лица адресата, его уникальной личности, его потребностей именно в данный момент. На когнитивном уровне это означает подтверждение ожиданий адресата, связанных с морально правильным поведением адресанта по отношению к нему (в случае оценки им поведения адресанта как вежливого) или не подтверждение этих ожиданий (в случае оценки им поведения адресанта как невежливого, грубого). Подтверждение или не подтверждение ожиданий адресата вызывают у него различные эмоции: в случае оценки поведения адресанта как вежливого адресат испытывает положительные эмоции (радость, восторг), в случае же оценки им поведения адресанта как невежливого, грубого он чувствует обиду, оскорбление, испытывая при этом только негативные эмоции (антипатия, разочарование, гнев), связанные с адресатом.

При этом нельзя забывать о кардинальной роли интонации в восприятии адресатом конкретного высказывания как вежливого или как невежливого (грубого). Просодический рисунок высказывания адресанта играет важную роль «спускового крючка» в процессе оценивания адресатом воспринятых слов адресанта именно как невежливых [Culpeper 2011: 59].

Таким образом, лингвистическая (не)вежливость связана с моральным аспектом общения, с коммуникативной этикой как национально-специфичной системой правил и норм поведения, аккумулирующей человеческий опыт в области морали общения и предписывающей нормы поведения в процессе коммуникации [Ларина, Козырева, Горностаева 2012: 127; Kádár, Naugh 2013: 67].

Уникальность каждого коммуниканта, неповторимость его личного социального опыта, его габитус, понимаемый как характерное множество черт, приобретаемых коммуникантами, и диспозиций, которыми они располагают, т.е. множество свойств, результирующих присвоение ими некоторого знания и опыта [Бурдые 2007: 32], приводят к тому, что очень часто адресат оценивает вербальное и невербальное поведение адресанта как невежливое, хотя в понимании самого адресанта он вежлив и учтив.

2. Сильные и слабые стороны трех этапов в исследовании лингвистической (не)вежливости.

В довольно длинной истории исследования лингвистической (не)вежливости можно выделить три этапа: а) первый этап, именуемый грайсовским, охватывает работы, базирующиеся на основных положениях лингвофилософии П. Грайса и Дж. Остина. К этому этапу относятся классические теории вежливости Р. Лакофф [Lakoff 1973], П. Браун и

С. Левинсона [Brown, Levinson 1987], Дж. Лича [Leech 1983]; б) второй этап связан с дискурсивным («постмодернистским») направлением в изучении лингвистической (не)вежливости. Данный подход зародился в начале 90-х годов XX века как реакция многих лингвистов на различные недочеты и минусы Универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, выявленные в 80-х годах XX века; в) третий этап связан с наблюдаемым буквально в последние несколько лет поворотом в исследовании лингвистической (не)вежливости в сторону социологического (интеракционного) подхода.

Среди классических теорий вежливости наибольшее влияние на дальнейшие исследования в данной области социолингвистики оказала Универсальная теория вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987], т.к. благодаря ей ученые начали рассматривать вежливость как фундаментальный аспект социо-коммуникативного взаимодействия людей [Locher, Watts 2005: 9]. Обладая общепризнанной значимостью, Универсальная теория вежливости «возвышается над большей частью других теорий, являясь путеводной звездой для ученых, отыскивающих феномен вежливости в примерах взаимодействия коммуникантов. Она отличается широтой проникновения в сущность человеческого поведения, не характерной ни для какой другой теории вежливости» [Там же: 9–10].

Если вкратце остановиться на основных недостатках классических теорий вежливости, то они заключаются в следующем: 1) во всех моделях недостаточно определен онтологический статус вежливости, 2) для представленных в них определений вежливости характерен целый ряд ограничений; 3) эти теории носят эссенциалистский характер и ими управляют рационалистические принципы, 4) практически все классические теории вежливости оставляют вне поля интереса феномен невежливости, т.е. тот феномен, избежать которого призвана вежливость [Watts 2008: 290]. Что касается Универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, то к ее недостаткам относятся: 1) претензия на ее универсальность, 2) анализ авторами отдельных речевых актов, рассматриваемых вне контекста, 3) диалектическое, но не динамическое понимание авторами центрального понятия социального лица «face» вкуче с европейским пониманием краеугольных категорий «вежливость» и «угроза социальному лицу», что подразумевает неверное, с точки зрения представителей коллективистских азиатских культур (Китай, Япония, Корея), понимание авторами данной теории некоторых речевых актов, например, комплиментов, 4) игнорирование социальной природы феномена вежливости, 5) явная адресанто-

центричность теории, т.к. авторы уделяют чрезмерное внимание социальным лицам адресантов, но не адресатов высказываний, б) практически полное игнорирование ситуаций агрессивного, оскорбительного или грубого коммуникативного поведения [Eelen 2014; Gu Yuegou 1990; Kádár, Haugh, 2013; Locher, Watts 2005; Matsumoto 1988; Mills 2003; van der Bom, Mills 2015; Watts 2003]. Определенная слабость Универсальной теории вежливости, по мнению С. Миллз, проявляется в том, что «хотя можно найти данные, которые <...> подтверждают адекватность теории Браун и Левинсона при анализе вежливости в коммуникативном процессе, все же данная модель может рассматривать только случаи проявления участниками общения явной, открытой вежливости» [Mills 2003: 57].

Отметим, что П. Браун и С. Левинсон достаточно серьезно восприняли критику в адрес своей теории. Так, анализируя свое понимание краеугольного для их теории понятия «социального лица» (face), во введении ко второму изданию своей монографии, не отказываясь от универсальности данного понятия, авторы отметили, что это понятие не может не быть подвергнуто определенному уточнению в конкретном обществе [Brown, Levinson 1987: 13]. Также они признали критику относительно их «увлеченности» анализом отдельных, часто рассматриваемых вне контекста речевых актов, но практически оставили без изменений основную концепцию своего исследования.

Пытаясь исправить слабые, по их мнению, положения классических теорий вежливости, ряд ученых (М. Лохер, Р. Уоттс, С. Миллз, Г. Илен, Дж. Калпепер) разработали дискурсивный («постмодернистский») подход в изучении лингвистической (не)вежливости. В отличие от классических теорий вежливости этот подход жестко привязан к контексту конкретного речевого произведения и к интерпретации речевой деятельности самими коммуникантами. В центре внимания сторонников дискурсивного подхода находится «алгоритм» всех действий, позволяющих коммуникантам прийти к выводу о том, что им следует оценить то или иное высказывание как вежливое, или как невежливое, и показано каким образом полученная ими информация и наблюдаемые примеры коммуникативного поведения помогают коммуникантам прийти к такому выводу [Introduction: The Linguistic Politeness Research Group 2011: 5].

Другое важное отличие дискурсивного подхода от классических подходов в изучении вежливости состоит в том, что этот подход признает наличие двух идеологий вежливости: *Politeness₁* и *Politeness₂*. *Politeness₁* объединяет набор норм, которыми руководствуются в повседневном общении рядовые носители языка при оценивании речевых действий как

вежливых/невежливых; *Politeness*₂ обозначает интерпретацию вежливости как научного специального термина в теоретических изысканиях ученых [Eelen 1999: 163–164].

Сторонники дискурсивного подхода обращают пристальное внимание на социальный характер (не)вежливости [Holtgraves 2005]. Так как «постмодернисты» не рассматривают ее как нечто детерминистски связанное с определенными лингвистическими формами и функциями, то они призывают к анализу гораздо больших по сравнению с отдельными предложениями или отдельными высказываниями фрагментов аутентичного ежеминутного взаимодействия коммуникантов, получившего название «relational work» (деятельность коммуникантов по созданию межличностных взаимоотношений между собой) [Locher, Watts 2005].

Еще одна отличительная и, в нашем понимании, положительная сторона дискурсивного («постмодернистского») подхода заключается в том, что его сторонники рассматривают вежливость как относительно малую часть «relational work», анализируя вежливость только на фоне других видов оценок межличностных отношений. Как вид деятельности «relational work» охватывает весь спектр вербального и невербального поведения коммуникантов (от прямого, т.е. грубого, агрессивного речевого поведения вплоть до вежливого речевого поведения). В рамках «relational work» вежливость представляет собой дискурсивное понятие, зарождающееся на основе личных восприятий интерактантов и их суждений о своем собственном коммуникативном поведении и поведении их собеседников. Признавая, как было показано выше, важность Универсальной теории вежливости, М. Лохер и Р. Уоттс, тем не менее, классифицируют ее только как теорию уместных или вежливых речевых действий по сохранению социальных лиц коммуникантов, т.к., в их понимании, эта теория основана на идее смягчения последствий от лико-угрожающих речевых действий, оставляя вне поля зрения невежливые и грубые речевые действия [Locher, Watts 2005: 10].

Что касается понятия нормы, во многом игравшей центральную роль в классических теориях вежливости, в дискурсивном подходе норма не рассматривается как некая простая, вечно существующая данность, а считается неустойчивым, изменчивым дискуссионным инструментом, не обязательно одинаково воспринимаемым всеми членами данного коллектива [Garcés-Conjeos Blitvich 2013: 3].

Несмотря на значительный прогресс в понимании сущности лингвистической (не)вежливости в дискурсивном подходе он также был подвергнут критике. Поэтому все большее число ученых вновь обращает внимание на теорию П. Браун и С. Левинсона,

модифицируя ее ценными для исследования вежливости положениями дискурсивного подхода.

По мнению М. Хо [Haugh 2007], к сомнительным положениям дискурсивного подхода следует отнести тезисы о принципиальном отсутствии необходимости в какой-либо теории вежливости и о том, что в центре внимания исследователей вежливости должны находиться более широкие вопросы исследования межличностных отношений, т.е. «relational work». Поэтому М. Хо задается рядом серьезных вопросов: а) что остается делать исследователям вежливости, если они будут следовать в русле данных рассуждений; б) что в этом случае отличает исследование вежливости от исследования более широких вопросов из области межличностной и межкультурной коммуникации; в) следует ли в этом случае продолжать рассматривать исследование вежливости как отдельное направление научного интереса или она может быть включена в более широкую область исследовательских традиций. По мысли М. Хо, ответить на данные вопросы нелегко, и совсем не очевидно, что идеи, выдвигаемые в дискурсивном подходе, могут служить важным аргументом для полного «вытеснения» теории вежливости. Более пристальное изучение лежащих в основе дискурсивного подхода теоретических положений, по мнению М. Хо, позволяет увидеть ряд гносеологических и онтологических проблем, подрывающих жизнеспособность данного подхода в качестве альтернативы Универсальной теории вежливости.

К их числу, в частности, автор относит: а) вопрос о том, действительно ли концептуализация вежливости в дискурсивном подходе представляет собой идеологию Politeness₁ и нет ли опасности смешать воедино идеологии Politeness₁ и Politeness₂; б) вопрос о полезности и обоснованности выделения четырех разных категорий «relational work»: невежливое (impolite) поведение; поведение, никак не связанное с категорией вежливости (non-polite); вежливое (polite) поведение; чрезмерно вежливое (over-polite) поведение. При этом в дискурсивном подходе не объясняется, на основании чего данные манифестации «relational work» следует оценивать положительно или отрицательно; в) сомнение в теоретических основаниях данного подхода, т.к. модель коммуникации, используемая в этом подходе, базируется на идее о том, что вежливость основана на интенциях адресантов и на попытках адресатов успешно декодировать эти интенции; г) вопрос об оправданности в применении в данном подходе понятия социального лица, разработанного Э. Гофманом. Проблема заключается в том, что Э. Гофман разработал данное понятие только для анализа

коммуникативного процесса в контексте культурных ценностей США и не рассчитывал на анализ «relational work» в других культурных контекстах [Haugh 2007: 296–302].

Концептуальная специфика социологического (интеракционного) подхода заключается в том, что его положения опираются как на классические теории вежливости Грайсовского этапа, так и на исследования в рамках дискурсивного направления в изучении лингвистической (не)вежливости. Социологический (интеракционный) подход является основным инструментом исследования в следующих работах [Arundale 2006; Grainger 2011; Haugh 2007, 2012, 2013; Kádár, Haugh 2013; O'Driscoll 2007; Terkourafi 2005].

В отличие от классических теорий вежливости и от дискурсивного подхода, социологический (интеракционный) подход подразумевает анализ (не)вежливости как социальной практики (social practice) [Kádár, Haugh 2013: 73–74]. В данном подходе значение того или иного высказывания конструируется в динамике совместными усилиями адресанта и адресата. При этом оценка речевых и неречевых действий связана с душевным состоянием коммуникантов, с набором их ожиданий, позволяющим им распознать конкретные социальные действия и значения как таковые [Kádár, Haugh 2013: 6].

Социологический (интеракционный) подход, не отрицая полностью концептуальные достижения дискурсивного подхода, особенно связанные с главной ролью адресата в оценке высказываний адресанта, отмечает, что нельзя принижать и роль адресанта, т.к. оба коммуниканта совместными усилиями выстраивают траекторию понимания всего коммуникативного процесса, включая оценку того или иного высказывания как (не)вежливого. Этот подход подразумевает возврат в теорию (не)вежливости социологического анализа, к которому Э. Гофман призывал в ряде своих трудов, в частности, в работе, посвященной фреймовому анализу взаимодействия коммуникантов. В терминах Э. Гофмана подобный анализ позволяет учитывать не только философские и лингвистические основания процесса взаимодействия участников коммуникации, но и моральные нормы тактичности (considerateness), сближающие личности в ходе процесса коммуникации [Grainger 2011: 172]. Именно фреймовый анализ коммуникативных действий присущ исследованиям Марины Теркурафи (см., например: [Terkourafi 2005]).

Преимущество социологического (интеракционного) подхода в изучении лингвистической (не)вежливости по сравнению с классическим и дискурсивным подходами заключается в том, что он позволяет ученым предложить свою, выводимую опытным путем интерпретацию передаваемого значения (negotiated meaning), не прибегая к оценкам самих

коммуникантов относительно «столкновений их социальных лиц». Аналитики верифицируют собственную интерпретацию, обращая внимание на то, что сами коммуниканты считают релевантным в ходе общения. В этом случае сохраняется свойственная для «постмодернистского» подхода идея о совместном конструировании значения обоими коммуникантами в ходе общения, но при этом анализ вежливости не сводится только к обсуждению понимания сути вежливости на бытовом уровне. Вобрав в себя все самое лучшее, что характерно для дискурсивного подхода в изучении (не)вежливости, социологический (интеракциональный) подход сохранил понимание вежливости на научном уровне (т.е. идеологию Politeness₂) [Grainger 2011: 172].

Итак, мы приходим к выводу о том, что на данный момент развития лингвистики ни один из трех этапов в исследовании феномена лингвистической (не)вежливости так до конца не прояснил социальную сложность этого многогранного феномена и не предложил какой-то единой четкой теории проведения исследования в данной области человеческих взаимоотношений. Тем не менее, очевидно стремление ученых разработать более усложненные теоретические модели со все более жестким учетом широкого коммуникативного контекста, включая и «социальную историю» обоих коммуникантов. По нашему мнению, не лишним будет изучение данного феномена с обязательным учетом теоретических положений лингвоэкологии, т.к. социолингвистика, прагмалингвистика и лингвоэкология легко могут найти точки соприкосновения в анализе как экологичной, лишенной «грубианизмов» (термин В.И. Жельвиса) речи, так и речи, в которой в силу различных факторов, включая факторы адресанта и адресата, присутствует неэкологичная, в обычных условиях засоряющая речь лексика, которую, тем не менее, не всегда можно однозначно отнести к речевым проявлениям грубости.

Список литературы

Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт социальной психологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 14–48.

Жельвис В.И. «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения // Жанры речи: сб. науч. статей. Памяти К.Ф. Седова. Саратов; Москва: «Лабиринт», 2012. Вып. 8. С. 99–109.

Жельвис В.И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: сб. науч. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 258–289.

Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003. 316 с.

Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 126–133.

Ларина Т.В., Харлова М.Л. Невежливость и грубость в общении американцев // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика. 2015. Вып.3. С. 34–42.

Леонтьев В.В. Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: К образованию теории лингвистической невежливости // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 222–228.

Леонтьев В.В. Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013а. № 1. С. 131–141.

Леонтьев В.В. Стратегии невежливой коммуникации в компьютерном дискурсе // Человек. Язык. Культура: сб. науч. статей, посвящ-х 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х частях; отв. соред. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. Киев: Изд-й дом Д. Бурого, 2013б. Ч. 1. С. 714–723.

Леонтьев В.В. Агональная вербальная грубость футбольных болельщиков // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 255–268.

Руднева Е.А. Рецензия на книгу: Dániel Z. Kádár., M. Haugh. “Understanding Politeness” // Антропологический форум. 2014. № 27. С. 214–221.

Харлова М.Л. Концептуализация невежливости в английском и русском языках // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2014. № 2. С. 119–131.

Arundale R. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness. *Journal of Politeness Research*. Vol. 2 (2). 2006. P. 193–216.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.

Christie Ch. Editorial. *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1 (1). P. 1–7.

Culpeper J. “It's not what you said, it's how you said it!”: Prosody and impoliteness. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 57–83.

Eelen G. A Critique of Politeness Theories. 2nd ed. L., N.Y.: Routledge, 2014. 280 p.

Eelen G. Politeness and ideology. *Pragmatics*. Vol. 9. № 1. 1999. P. 163–173.

Garcés-Conjeos Blitvich P. Introduction: Face, identity and im/politeness: Looking backward, moving forward: From Goffman to practice theory. *Journal of Politeness Research*. Vol. 9 (1). 2013. P. 1–33.

Grainger K. “First order” and “second order” politeness: Institutional and intercultural context. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 167–188.

Gu Yueguo. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. Vol. 14 (2). 1990. P. 237–257.

Haugh M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*. Vol. 3 (2). 2007. P. 295–317.

Haugh M. Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*. Vol. 8 (1). 2012. P. 111–134.

Haugh M. Im/politeness, social practice and the participation order. *Journal of Pragmatics*. Vol. 58. 2013. P. 52–72.

Holtgraves Th. Social psychology, cognitive psychology, and linguistic politeness. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (1). 2005. P. 73–93.

Introduction: The Linguistic Politeness Research Group. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 1–17.

- Kádár D.Z., Haugh M. *Understanding Politeness*. Cambridge: CUP, 2013. 296 p.
- Lakoff R.T. The logic of politeness or minding your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. L., N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
- Locher M., Watts R. Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (2). 2005. P. 9–33.
- Matsumoto Yu. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. Vol. 12. 1988. P. 403–426.
- Mills S. *Gender and Politeness*. Cambridge: CUP, 2003. 270 p.
- O' Driscoll J. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine. *Journal of Politeness Research*. Vol. 3 (2). 2007. P. 243–268.
- Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (1). 2005. P. 95–119.
- Terkourafi M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (2). 2005. P. 237–262.
- van der Bom I., Mills S. A discursive approach to the analysis of politeness data. *Journal of Politeness Research*. Vol. 11 (2). 2015. P. 179–206.
- Watts R. *Politeness*. Cambridge: CUP, 2003. 304 p.
- Watts R. Rudeness, conceptual blending theory and relational work. *Journal of Politeness Research*. Vol. 4 (2). 2008. P. 289–317.
- Watts R., Ide S., Enlich K. Introduction. *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice* (eds. Watts R., Ide S., Ehlich K.). 2nd ed. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 1–17.

References

- Bourdieu P. Social'noe prostranstvo i genezis klassov [The social space and genesis of classes]. Bourdieu P. *Sociologiya social'nogo prostranstva [The Sociology of Social Space]*. M.: The Institute of Social Psychology, Saint-Petersburg: Aleteya Publ. House, 2007. Pp. 14–48.
- Zhel'vis V.I. "Anti-Grais": postulaty grubosti kak regulatora kommunikativnogo povedeniya ["Anty-Grice": The postulates of rudeness as a regulator of communicative behavior]. *Zhanry rechi [Speech genres]: collection of papers*. Saratov, Moscow: Labirint Publ. House, 2012. vol.8. Pp. 99–109.
- Zhel'vis V.I. Grubost' kak regulator kommunikativnogo povedeniya [Rudeness as a regulator of communicative behavior]. *Bytie v yazyke [The Being in Language]: collection of papers*. Yaroslavl': Yaroslavl' State University Publ., 2011. Pp. 258–289.
- Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti v angliyskoi i russkoi kommunikativnykh kulturakh [The Category of Politeness in English and Russian Linguacultures]*. M.: Publishing House of Russian University of Friendship of People. 2003. 316 p.
- Larina T.V., Kozyreva M.M., Gornostayeva A.A. O grubosti i kommunokativnoy etike v mezhkulturnom obshchenii: k postanovke problemy [On rudeness and communicative ethics in inter-cultural communication: to the statement of a problem]. *Vestnik of Russian University of Friendship of People*. 2012. № 2. Ser. Linguistics. Pp. 126–133.
- Larina T.V., Kharlova M.L. Nevezhlivost' i grubost' v obshchenii amerikantsev [Impoliteness and rudeness in the communication of Americans]. *Vestnik of Novosibirsk State University*. 2015. № 3. Pp. 34–42.

Leont'ev V.V. Discursivnyi povorot v teorii lingvisticheckoi vezhливости: K obrazovaniyu teorii lingvisticheckoi nevezhливости [Discursive turn in the theory of linguistic politeness: To the formation of the theory of linguistic impoliteness]. *Kommunikativnye aspekty sovremennoi lingvistiki i lingvodidaktiki* [Communicative aspects of contemporary linguistics and linguistics]. Volgograd: Volgograd State University Publ. House. 2012. Pp. 222–228.

Leont'ev V.V. Ponyatiya vezhливости i nevezhливости v sovremennoy lingvistike [Notions of politeness and impoliteness in contemporary linguistics]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. vol. 1. 2013a. Pp. 131–141.

Leont'ev V.V. Strategii nevezhливой kommunikatsii v komp'yuternom diskurse [The strategies of impolite communication in computer-mediated discourse]. *Chelovek. Yazyk. Kul'tura*: Sb. nauch statej, posvyashchennykh yubileyu prof. V.I. Karasika: v 2-h chastyakh: pod red. V.I. Kolesova, M. Vlad. Pimenovoi, V.I. Terkulova [A Human Being. Language. Culture]: Collection of Papers in the Honor of the 60th Anniversary of Prof. Vladimir I. Karasik: in 2 parts: ed. by V.I. Kolesov, M. Vlad. Pimenova, V.I. Terkulov. Kiev: Publ. House by Dm. Burago, 2013b. Part 1. Pp. 714–723.

Leont'ev V.V. Agonal'naya verbal'naya grubost' v rechevom povedenii futbol'nykh bolel'shchikov [Agonal verbal rudeness in speech behavior of football fans]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. vol. 2. 2014. Pp. 255–268.

Rudneva E.A. Retsenziya na knigu: Dániel Z. Kádár., M. Haugh. “Understanding Politeness” [Review of the book: Dániel Z. Kádár., M. Haugh. “Understanding Politeness”]. *Antropological Forum*. 2014. № 27. Pp. 214–221.

Kharlova M.L. Konseptualizatsiya nevezhливости v angliyskom i rusском yazykakh [The conceptualization of impoliteness and rudeness in English and Russian]. *Vestnik of Russian University of Friendship of People*. 2014. № 2. Ser. Linguistics. Pp. 119–131.

Arundale R. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness. *Journal of Politeness Research*. Vol. 2 (2). 2006. P. 193–216.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.

Christie Ch. Editorial. *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1 (1). P. 1–7.

Culpeper J. “It's not what you said, it's how you said it!”: Prosody and impoliteness. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 57–83.

Eelen G. A Critique of Politeness Theories. 2nd ed. L., N.Y.: Routledge, 2014. 280 p.

Eelen G. Politeness and ideology. *Pragmatics*. Vol. 9. № 1. 1999. P. 163–173.

Garcés-Conjeos Blitvich P. Introduction: Face, identity and im/politeness: Looking backward, moving forward: From Goffman to practice theory. *Journal of Politeness Research*. Vol. 9 (1). 2013. P. 1–33.

Grainger K. “First order” and “second order” politeness: Institutional and intercultural context. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 167–188.

Gu Yueguo. Politeness Phenomena in Modern Chinese. *Journal of Pragmatics*. Vol. 14 (2). 1990. P. 237–257.

Haugh M. The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative. *Journal of Politeness Research*. Vol. 3 (2). 2007. P. 295–317.

Haugh M. Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research. *Journal of Politeness Research*. Vol. 8 (1). 2012. P. 111–134.

Haugh M. Im/politeness, social practice and the participation order. *Journal of Pragmatics*. Vol. 58. 2013. P. 52–72.

Holtgraves Th. Social psychology, cognitive psychology, and linguistic politeness. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (1). 2005. P. 73–93.

Introduction: The Linguistic Politeness Research Group. *Linguistic Politeness Research Group (eds.). Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 1–17.

Kádár D.Z., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: CUP, 2013. 296 p.

Lakoff R.T. The logic of politeness or minding your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.

Leech G. Principles of Pragmatics. L., N.Y.: Longman, 1983. 250 p.

Locher M., Watts R. Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (2). 2005. P. 9–33.

Matsumoto Yu. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of Pragmatics*. Vol. 12. 1988. P. 403–426.

Mills S. Gender and Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 270 p.

O' Driscoll J. What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine. *Journal of Politeness Research*. Vol. 3 (2). 2007. P. 243–268.

Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (1). 2005. P. 95–119.

Terkourafi M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research*. Vol. 1 (2). 2005. P. 237–262.

van der Bom I., Mills S. A discursive approach to the analysis of politeness data. *Journal of Politeness Research*. Vol. 11 (2). 2015. P. 179–206.

Watts R. Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 304 p.

Watts R. Rudeness, conceptual blending theory and relational work. *Journal of Politeness Research*. Vol. 4 (2). 2008. P. 289–317.

Watts R., Ide S., Ehlich K. Introduction. *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice* (eds. Watts R., Ide S., Ehlich K.). 2nd ed. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 1–17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Леонтьев Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

Волгоградский Государственный Университет

Россия, Волгоград, 400062, пр. Университетский, 100

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Leont'ev Victor Vladimirovich, PHD in Linguistics, Associate Professor of the Department of Roman and German Philology

Volgograd State University

100 University Avenue, Volgograd 400062 Russia

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru